

ОТЗЫВ ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА
на диссертацию Татьяны Викторовны Струковой
«Энигматические жанры русской поэзии: эволюция и типология»,
представленную на соискание ученой степени
доктора филологических наук
Специальность 10.01.01 – Русская литература

Диссертация Татьяны Викторовны Струковой представляет собой фундаментальное филологическое исследование, появление которого является важным событием в отечественной гуманитарной науке, поскольку оно вводит в научный оборот за счет системного осмысления собранный автором материал более 9000 текстов и предлагает модель жанроописания энигматического дискурса русской поэзии XVIII – XXI веков. Методологическая концепция диссертации выверена и репрезентирует комплексный подход к корпусу авторских стихотворных загадок, включающий в себя элементы генетического, мифопоэтического, структурно-семиотического, компартивного и других методов. Разностороннее изучение энигматического дискурса русской поэзии позволяет избежать линейного ограничения в диахроническом по своей логике рассуждении об эволюции избранных текстов более чем трех столетий литературного процесса.

Совокупность положений, выносимых на защиту, вполне может считаться научным достижением, соответствующим требованиям, предъявляемым к докторским диссертациям, поскольку содержит тезисы, ценные с точки зрения теоретико-методологических и историко-литературных аспектов. Принципиально важным видится вывод о поступательном развитии энигматических жанровых модификаций в сторону структурного и семантического усложнения, о переключениях между развлекательными, эвристическими, назидательно-дидактическими и педагогическими функциональными доминантами в наследии различных авторов и различных эпох. Ясно сформулированные положения 8–10 раскрывают специфику русской стихотворной загадки с точки зрения тематического разнообразия, особенностей логической и повествовательной структур, а также способов выражения авторской модальности.

Актуальность диссертационного исследования продиктована, во-первых, высоким интересом современной мировой гуманитарной науки к теории и жанрологии литературы, практикам семейного чтения и семиотике

литературных жанров. Результаты представленной работы восполняют значимые лакуны в истории и теории русской литературы XVIII-XXI веков и в то же время находятся в русле современных тенденций в зарубежной академической традиции и истории вопроса: соотносятся с наблюдениями зарубежных ученых, в фокусе внимания которых детская литература находится на протяжении двух последних десятилетий. Фундаментальные исследования П. Ханта (Hunt P. *Understanding Children's Literature*, 1999), К. Лесник-Оберштейн (Lesnik-Oberstein K. *Children's Literature*, 2004), к сожалению, до сегодняшнего дня не нашли прецедентов в отечественной гуманитаристике, хотя время «поговорить серьезно о детской литературе», по выражению К. Батлер (Butler C. *Taking Children's Literature Seriously*, 2013), давно настало.

Во-вторых, немаловажным фактором, определяющим **актуальность** работы, является рассмотрение энигматического дискурса русской поэзии XVIII-XXI веков в равной степени в классической и детской литературе, развлекательной и высокой, в периодике с различной целевой аудиторией; в стихотворчестве авторов-мужчин и женском письме. Подобный подход позволяет избежать «социологического» (Ю.М. Лотман) оценочного понимания детской литературы как массовой и значительно дополняет представление о литературном процессе прошлого и настоящего, об относительности предмета и границ взрослой литературы.

Загадка (как жанр) в диссертации Т.В. Струковой выступает своего рода «формой времени», индикатором, иллюстрирующим тенденции главенствующего в ту или иную эпоху направления в развитии словесной культуры Российской империи, Советского Союза, постсоветской России. Думается, что потенциал такого подхода может быть раскрыт в ракурсе восприятия энигматического дискурса в соотношении с литературным бытом той или иной эпохи, с бытовой словесной культурой и поведенческими моделями, культивируемыми за счет создания и использования в живом общении русского светского общества XIX века и формирования института детства силами литературы в советскую эпоху. Круг периодических изданий, фронтально изученных Т.В. Струковой, при аналитическом взгляде на него свидетельствует о значимости таких контекстов, при этом автором совершенно точно отмечается важная роль энигматических форм для детей в советский период, но хотелось бы узнать об их месте во взрослом литературном быте придворной культуры поры Пушкина и Жуковского. К примеру, среди стихотворений последнего находится интересная шарада «Есть в русском царстве граф Орлов» (1837), которая отсылает, прежде всего, к литературному быту и, опосредованно, к арзамасским протоколам и

галиматъе как форме энигматического дискурса и действенному инструменту литературной полемики. Предполагаемая в загадке ритуальность потенцирует ее неотделимость от культуры быта конкретного историко-культурного континуума, будь-то масонство, эдиционно-журнальная сфера или переводческая практика, о которых совершенно справедливо говорит автор диссертации в соотношении с энигматикой XVIII-XIX веков.

Научная новизна диссертационного исследования заключается в том, что в работе впервые собран корпус репрезентативных стихотворных авторских текстов загадок XVIII-XXI веков, на их материале исследован генезис энигматического дискурса, выявлены основные тематические и структурно-семантические разновидности и определена типология жанров русской поэзии.

Выводы и научные положения, сформулированные в докторской диссертации Т.В. Струковой, являются обоснованными и подтверждаются привлечением большого массива важных публикаций отечественных авторов, касающихся энигматического дискурса, истории и теории литературы.

В целях решения поставленных в работе задач автор применил ряд наиболее продуктивных **методологических инструментов**: категориальный и системный анализ, сравнительно-исторический, формальный и мифопоэтический подходы, что привело к получению значимых результатов. Сформулированы доказательные выводы относительно специфики энигматического дискурса русской поэзии: впервые определена периодизация энигматических жанров со второй половины XVIII столетия до современности, а также 5 основных тематических групп, 2 типа логической структур загадок и 4 вида их повествовательной структуры.

Композиция работы является стройной и раскрывает три измерения энигматического дискурса русской поэзии. В первой главе «Генезис энигматических жанров в русской литературе» представлена фактически история энигматических жанровых модификаций в русской словесности, начиная от выявленных вопросно-ответных комплексов в произведениях древнерусской литературы, апокрифических произведениях, энигматики масонских формульных текстов, а также русской переводной литературы и заканчивая современной поэзией. Автору удастся проследить за развитием энигматических жанровых модификаций вплоть до XXI в., определив их функциональное поле с учетом актуальных в ту или иную эпоху контекстов русской и мировой культуры слова и выделив ряд малоизвестных поэтов, имена которых не отделимы от энигматического дискурса.

Особенно в этом смысле выделяется параграф 1.5.1 «Загадки Н.Н. Плисского», представляющий интересное монографическое исследование стихотворного творчества поэта, которое, действительно, иллюстрирует «когнитивную картину мира, характерную для русского общества в эпоху распространения философии позитивизма» (с. 149), но не было до сегодняшнего дня введено в оборот литературоведения. Включение этим автором в энигматическое поле своих загадок цитат и аллюзий, восходящих к «высоким образцам» русской литературы, эстетическим манифестам А.С. Грибоедова, Н.В. Гоголя, А.С. Пушкина, И.С. Тургенева, с целью создания образов современной действительности и социально-психологических типов (либерала, консерватора, нигилиста, с одной стороны, и лицемера, педанта, эгоиста, честолюбца, скептика, скряги, пессимиста, оптимиста, с другой), обнаруженное Т.В. Струковой как специфика авторской поэтики жанра загадок, выступает настоящей находкой в работе. Думается, что подобное конструирование с помощью стихотворной загадки образов и понятий, «служащих дифференциальной характеристикой современного общества» (с.158), призвано не просто «вызывать прямые ассоциации с лучшими страницами русской классической литературы» (с.157) или «создать стереотипные образы, воспроизводящие состояние русского общества» (с.159), однако скорее служить реализации нациемоделирующей, нациестроительной функции литературы за счет ресемантизации ее знаковых, узнаваемых концептов в энигматическом дискурсе.

В результате вдумчивого прочтения четырех разделов, посвященных специфике стихотворной загадки XIX века, возникает потребность в ответе диссертанта на вопрос о возможности считать ее ярким репрезентантом русского литературного бидермайера, исходя из вариаций оригинальных и переводных текстов, прозрачности конструируемого воображаемого читателя и других жанрообразующих отличий.

Эти и другие вопросы и примечания, возникшие по ходу чтения первой главы представленного исследования, имеют частный характер, не изменяют общего одобрительного отзыва оппонента и связаны с формальными аспектами: главным образом, с опечатками в немецких текстах, которые обусловлены, очевидно, возникшей необходимостью перекладывать немецкую фрактуру (готический шрифт) на антикву (шрифт современной латиницы). Имеются в виду подмена «s» на «f» в оригинале загадки Ф. Шиллера о звездах и луне, в результате которой появляются «fie» вместо «sie», «fehen» вместо «sehen», «unerfchöpften» вместо «unerschöpften»

и др.; а также шероховатости в цитировании его же загадки о мироздании при анализе перевода Чюминой на с. 162.

Отдельно необходимо отметить разделы диссертации о переводных загадках, которые русские стихотворцы черпали из наследия Ф. Шиллера. Т.В. Струкова привлекает переводы И.Г. Покровского, А.Я. Мейснера, В.А. Жуковского, К.М. Фофанова и О.Н. Чюминой, при этом демонстрируя высокий уровень владения методиками анализа литературоведческого переводоведения. Диссертант приводит меткие наблюдения о характеристиках стратегий различных поэтов в ситуации переводной множественности, отмечая, что отсутствие разгадки в переводах А.Я. Мейснера «трансформирует выразительность загадки, превращая ее в автономный художественный объект» (с. 121); что В.А. Жуковский «не просто номинирует загадываемый объект, но характеризует его с разных сторон, удачно вписывая энигматический пейзаж в самый широкий поэтический контекст» (с. 128), а О.Н. Чюмина мастерски сохраняет «не только последовательность употребления образно-языковых средств оригинала (метафор, эпитетов), но и синтаксическую структуру оригинальных произведений» (с.159).

Филигранный филологический анализ оригиналов и переводов нуждается, пожалуй, в одном комментарии оппонента в связи с необходимостью помещения этих текстов, принадлежащих различным лингвокультурам, с одной стороны, в аутентичные литературные контексты, с другой стороны, - в объединяющий эти энигматические дискурсы единый историко-культурный контекст XIX в., эпохи романтизма в разнообразнейших его ранних и поздних проявлениях. Как известно, своего рода открытием романтиков стал Восток как пункт «воображаемой географии» (Э. Саид), искомый идеал, далекий от быта и действительности, и энигматический дискурс не обошел эти интенции. Вариации переводов «Книги 1001 ночи» наводнили европейскую словесность именно в эту эпоху, и загадки Ф. Шиллера, созданные для пьесы «Принцесса Турандот» или инспирированные ею, как и их переводы, видятся следствием и выражением этого межлитературного взаимодействия, которое будет иметь устойчивый след в последующем жанровом развитии стихотворной авторской загадки вплоть до современности, когда сборники загадок до сих пор можно узнать по указанию в их заглавиях числового кода 1001 или 101 или т.п. Данный аспект не нашел освещения в тексте диссертации, организованной по иному композиционно-концептуальному замыслу, но наверняка являлся предметом внимания Т.В. Струковой и может получить комментарий в ходе защиты.

Исключительную узнаваемость имеет энигматический дискурс Поликсены Соловьевой, в котором Т.В. Струкова обнаруживает синтез «мифологической, христианской и фольклорной картин мира», а также «идейно-художественных установок символизма» (с. 159). Значимость приобретает вывод о том, что в первой половине XX в. загадки «окончательно закрепляются за сферой детской литературы» (с. 177), он может быть дополнен и примечанием о тенденции к прикреплению этого рода стихотворного творчества к гендерно маркированной сфере женского письма.

Бесспорный интерес вызывают последние разделы первой главы, посвященные энигматическому экскурсу советского времени и современной эпохи. Детские загадки (С.Я. Маршака, С. Михалкова, К.И. Чуковского) со страниц журналов «Мурзилка» и «Веселые картинки» представляют в новом свете целый пласт литературного и культурного наследия, культивируемую за счет энигматического дискурса, адресованного детям и родителям, поведенческую модель, актуальную для того времени, когда энигматика, казалось бы, была не соответствующей по своей философии формой. Нельзя не согласиться с диссертантом и в том, что современные авторы (например, И.Д. Агеева) стремятся «помимо воспитательной и обучающей функций, придать энигматическому дискурсу развлекательную и игровую направленность» (с. 212), и языковая игра «постепенно становится неотъемлемой частью загадок для детей».

Вторая глава диссертации «Тематические и структурно-семантические разновидности русской литературной стихотворной загадки» разворачивает спектр жанровых разновидностей энигматического дискурса русской поэзии. Этот материал может быть эффективно использован в качестве универсального теоретико-методологического аппарата для сравнительного и имманентного анализа типов энигматического дискурса в практике преподавания русской и зарубежной литературы и русского языка как родного и как иностранного. Предложенная Т.В. Струковой тематическая типология космогонических, антропологических, этологических, философских и анималистических загадок представляет конкретную модель исторически развивающихся жанровых объектов мировой литературы для детей, юношества и взрослых. Важное значение имеет выявленная в диссертации специфика логической и семантической структуры русских литературных стихотворных загадок, которые подразделяются, главным образом, на загадки-противоречия и загадки-тождества.

Третья глава диссертации органично дополняет классификацию собранного корпуса текстов типологией по композиционно-формальным

критериям. Десять типов загадок (акростих, шарада, логогриф, анаграмма, метаграмма, монограмма, омонимы, омографы, омофоны и аккидитивы) охватывают прецедентные по построению энигматических конструкций тексты из творчества более двух десятков поэтов.

Самостоятельное положение в диссертации занимают **4 приложения**, демонстрирующие дополнительные продуктивные подходы к анализу собранного многотысячного корпуса текстов, а также перспективы исследования. Приложения 3 и 4 имеют важное практическое назначение, поскольку содержат научную библиографию стихотворных загадок, опубликованных соответственно в отечественных поэтических сборниках (более 100 изданий) и периодике (более 50 изданий) на протяжении почти трех веков. Эти два приложения наглядно представляют итоги кропотливой работы по сбору материала и позволяют изучить фактическую эдиционную историю русской энигматической поэзии в диахронии и в динамике, а также в именах и лицах ее авторов, поскольку благодаря библиографиям можно четко определить такие центральные фигуры, как: А. Байбаков, П. Соловьева, И.А. Новиков, Л.Н. Зилов, О.И. Тарнопольская, А.А.Рождественская, И.Д. Агеева и др. Кроме того, указанный библиографический список является осью сборки отечественной журнальной литературы XVIII-XX вв. (к примеру, можно с точностью установить точки экстремума в ее развитии), что дополняет современное научное знание о центральной и региональной периодике Российской империи, РСФСР и РФ.

Первые два приложения являют собой законченные монографические экскурсы в энигматические дискурсы древнеримского поэта Симфосия и средневековых англосаксонских поэтов, логическим образом размыкая и без того обширный материал русских стихотворных загадок и погружая его в отдаленные, на первый взгляд, контексты. Однако античные и средневековые загадки вошли в кругозор отечественных читателей на самом активном этапе развития отечественного энигматического дискурса в советское время, поэтому их привлечение в диссертации дает объективное представление о взаимодействии оригинальной и переводной литературы в той или иной национальной словесности, о синтезе форм и смыслов в свете одного жанра, устойчивость семиотики которого подтверждается разнообразием его воплощений на разных языках и в разных мировоззренческих парадигмах. Возможно, здесь не стоит обходить вниманием интенции переводчиков и авторов-составителей этих двух специальных собраний переводных загадок, чтобы прокомментировать их включенность в отечественный литературный процесс, в целом, и в эволюцию жанра загадки в частности. Необходимо отметить мастерский аналитический комментарий автора диссертации к

загадкам Симфосия, где Минотавр и птица Феникс, Хирон, Прометей и другие древние герои и сюжеты представляются читателю в нестереотипном осмыслении за счет приема отчуждения, которым оперирует энигматический дискурс и который демонстрирует при анализе автор работы.

Остается не вполне проясненным вопрос о том, каков полный список изученных журналов и газет для детей и взрослых, в каких из просмотренных загадки отсутствовали и каков процент изданий, обращавшихся к авторским стихотворным загадкам в соотношении с теми, которые предпочли исключить их из своего репертуара; а также о том, насколько репрезентативной была представленная в приложении периодика в современном эдиционном контексте.

Все сказанное позволяет **заключить**, что диссертация Т.В. Струковой «Энигматические жанры русской поэзии: эволюция и типология» представляет собой научно-квалификационную работу, в которой на основании выполненных автором разысканий разработаны теоретико-методологические положения исследования энигматического дискурса русской поэзии XVIII-XXI веков, связанные с выработкой новой парадигмы и типологии анализа и интерпретации жанровых разновидностей в исполнении различных авторов. Диссертация выполнена на обширном материале, в исследовании привлечен широкий историко-культурный контекст, включающий в себя как отечественную, так и зарубежную историю исканий авторов стихотворных загадок.

Автореферат диссертации «Энигматические жанры русской поэзии: эволюция и типология» с полной ясностью представляет основные положения исследования, которое прошло апробацию и отражено в основных своих аспектах в 52 публикациях, из них 21 статья включена в издания, рекомендованные ВАК. Результаты работы доступны специалистам в 2 монографиях и 18 статьях, внесенных в базу РИНЦ.

Диссертационное исследование Т.В. Струковой соответствует паспорту специальности 10.01.01 – Русская литература, отвечает требованиям пп. 9–11, 14 «Положения о порядке присуждения ученых степеней», утвержденного Постановлением Правительства РФ от 24 сентября 2013 г. № 842 (в ред. Постановлений Правительства РФ от 30.07.2014 №723, от 21.04.2016 № 335, с изм., внесенными Решением Верховного Суда РФ от 21.04.2014 №АКПИ14–115) в части требований, предъявляемым к докторским диссертациям, а ее автор – Струкова Татьяна Викторовна –

заслуживает присуждения искомой степени доктора филологических наук по специальности 10.01.01 – Русская литература.

07 ноября 2019 г.

Никонова Наталья Егоровна,
доктор филологических наук,
10.01.01 – Русская литература,
доцент, заведующий кафедрой
романо-германской филологии
федерального государственного автономного
образовательного учреждения высшего
образования «Национальный исследовательский Томский государственный
университет»

Контактные данные:

634050, г. Томск, проспект Ленина, 36;

(3822) 529 585; rector@tsu.ru; <http://www.tsu.ru/>

Подпись

МОСТОВЕРЯЮ
НЫЙ СЕКРЕТАРЬ ТГУ

Н. А. САЗОНОВА